

ЗАГАДОЧНОЕ ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ

Пете Брандту

Ну и пусть смеются. Могут хоть животики надорвать. А только это всё от зависти. Что мы с Петровым такие друзья. Нас ничем не разольёшь. Горошко ехидничает, что мы даже в Машку Старцеву вдвоём втюрились, чтобы никогда не расставаться. Ладно, ладно. Ехидничать всякий может. А сам небось за Людкой Яблочкиной бегаёт в одиночку и со скуки умирает. Потому что кто на неё, кроме него, посмотрит: она же рыжая и вся в веснушках-конопушках. То ли дело Маша...

Я, честно говоря, и сам не сразу заметил, какая она. А Петров, как выяснилось, сразу, с первого класса, на неё глаз положил, только он в себе всё держал, стеснялся. И вправду, у нас раньше с этим делом строго было. Чуть что — засмеют. Я и сам, например, над Горошко всегда хихикал, в том смысле, что он за Людкой Яблочкиной бегаёт. Но то Горошко, а тут лучший друг. Я повторяю, он хоть и сразу в Машу втюрился, можно сказать, с первого нашего Первого сентября (это он мне сам потом признался, как, говорит, увидел, так будто в столб головой врезался, и искры из глаз посыпались, прямо как первомайский салют!), но про это целых три года никто не догадывался. Даже я, не говоря уже о самой Маше. А открылось всё вот как.

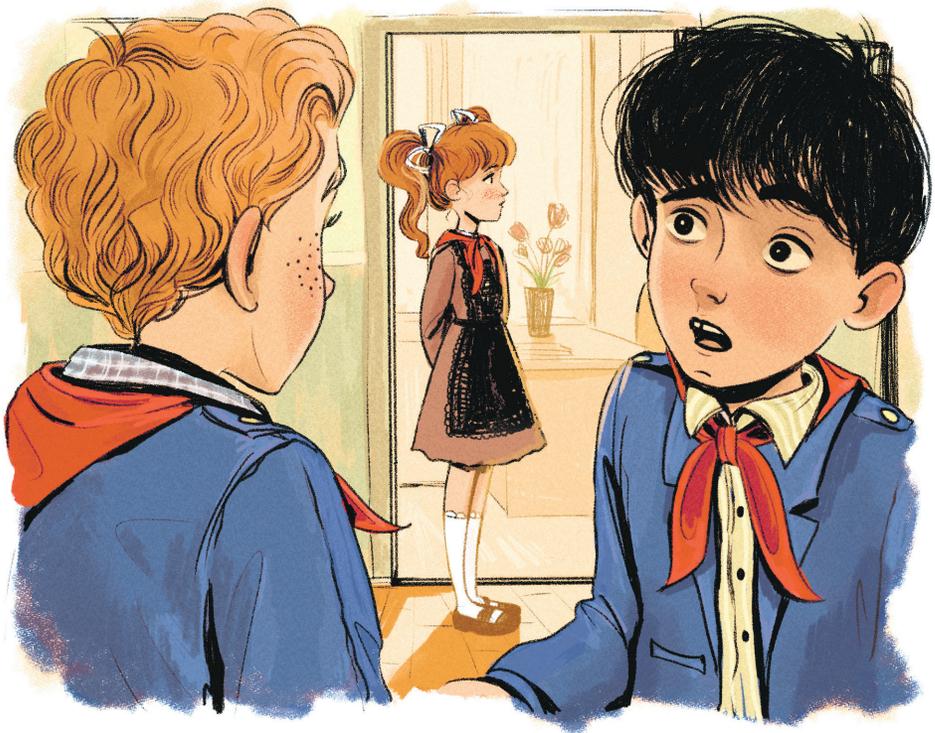
Дело, как сейчас помню, было в конце третьего класса. Машу как раз сандружинницей¹ выбрали. Она тогда сама себе сумочку сшила с красным крестом и полумесяцем и стала её через плечо носить. И такая гордая была, не подступись. А ещё ко всем придирается начала: то ей не так, это не этак. Одним словом, никакого житья с самого, можно сказать, утра. Потому что, как только приходишь в школу, так и начинается. Я уже и раньше вставать стал, чтобы первым в класс попасть, но всё напрасно. Школу только открыли, а Машка уже тут как тут — торчит у дверей класса. И сразу же: покажи руки, покажи шею, покажи уши, почему не причёсан, почему ногти не подстриг?! И так каждый день. Причём ко мне одному придирается. Просто никакого житья от неё не стало.

А тут, смотрю, что-то и Петров раньше других в школу зачастил. Сначала я подумал, из солидарности, как настоящий друг, а потом вижу, не в этом дело. В школу-то он приходит, а в класс не идёт, хотя всё у него в полном порядке, и Машка на него ноль внимания. А он встанет у окна и глаз с неё не сводит. Ну, тут я наконец и заметил. Что-то тут нечисто, думаю. Решил понаблюдать.

День наблюдал, два наблюдал, а на третий понял: так и есть — втюрился Петров. Надо же. И в кого? В Машку. А она отличница и придира-ла. Чего он в ней нашёл? И главное, глаз от неё не отрывает! Ну, думаю, если я заметил, то скоро и все заметят, и будет бедному Петрову тоскли-во не только в классе, но и во всей школе. И тут

---

¹ Сандружинник — член санитарной дружины; в школе — ответственный за гигиену и за оказание первой помощи.

мне его жалко стало — всё-таки лучший друг. Ну и решил ему помочь.

Чего ты, говорю, Петров, всё на неё смотришь? Чего в ней хорошего? А он вздыхает, как паровоз, вот-вот дым из него повалит. Мне его ещё жальче стало. Ничего, говорю, не дрейфь, Петров, прорвёмся. Ты только не вздыхай так громко. А он ещё громче вздохнул и говорит: «Какая разница? Вздыхай не вздыхай, а она всё равно ноль внимания!» Что правда, то правда. У человека, может быть, вулкан в груди извергается, целый Везувий, а Старцевой всё до лампочки. А ещё сандружинница называется. Ей по должности положено первую помощь оказывать, а она только и знает «уши покажи, руки, шею»... А у человека, может, температура сорок один, да ещё с десятками, может, никаким

градусником её и не измеришь. А ей хоть бы хны. И такое зло меня взяло. За Петрова обидно.

А как помочь ему — не знаю. И ещё больше злюсь. Так разозлился, что даже на Петрова кричать начал. Ну чего, кричу, стоишь? Пошли в класс! А он стоит и глазами хлопает. Сколько его знаю, он всегда, когда думает, глазами хлопает. А так как думает он медленно, то и получается, что он почти всегда ими хлопает. Постоял он так, похлопал-похлопал и говорит: «Нет, не пойду! Ты иди, а я ещё тут постою!» И снова на Машку уставился. Ладно, говорю, стой. Может, чего и выступишь. Ну а сам в класс пошёл.

А Машка, конечно же, тут как тут. Привязалась. И руки ей покажи, и шею выверни, и ушами похлопай. Нет ли там пыли? Нету, говорю, с утра стряхивал! И тут меня вдруг осенило. Как громом ударило. Я даже в класс прорываться перестал. Чего я там не видел? Ладно, говорю, Старцева, пойду себя в порядок приводить. А сам напрямик к Петрову. Тот, где стоял, там и стоит, куда смотрел, туда и смотрит. Ладно, говорю, кончай переживать. Сейчас она как миленькая на тебя внимание обратит! А он говорит: «Быть того не может!»

Ещё как может, говорю. Ты, говорю, Петров, пойдди вымажись как следует! Она к тебе так пристанет — не отвяжешься!.. Гляжу, оживился Петров. Не сразу, но всё-таки начинает до него моя идея доходить. Глазами больше не хлопает, нос поднял, и рот до ушей. «А что вымазать?» — спрашивает. Мажь уши, говорю, чтобы сразу заметно было. Вижу, колеблется Петров. «А может, лучше руки?» — спрашивает. Ну как знаешь, говорю и с разбегу лечу в класс.

Так на полном ходу мимо Старцевой и промчался.

Машка, конечно, такого номера не ожидала, так и застыла с открытым ртом. А когда пришла в себя, то и говорит: «Ну и хулиган же ты, Васечкин!» Ладно, ладно, думаю, пусть чего хочет говорит, а я уже в классе. Попробуй меня отсюда выгнать. Сел я на своё место и жду, что дальше-то будет, когда она измазюканного Петрова увидит. Лишь бы, думаю, он бы посильнее вымазался.

В общем, вижу, идёт Петров. Как на казнь. Голова поднята, а в глазах такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Пришёл и встал. Стоит и на Машку не смотрит. А та говорит: «Ты чего, Петров, встал на проходе? У тебя руки всегда чистые! И уши! И шея! Можешь не показывать! Проходи давай!» А он стоит, чуть не плачет и на меня смотрит. Так, знаете, жалостливо. А я чего могу? Я ж предупреждал, чтобы уши мазал, — сразу в глаза бы бросилось, а так...

Короче, подошёл он ко мне, сел рядом, лицо в ладони уткнул и сопит. А мне, главное, его утешить нечем!

Словом, повздыхал он, повздыхал и полез в портфель за учебником, а руки при этом от лица убрал.

Гляжу: что такое? У него на лице какие-то буквы отпечатались, на всю щеку. Только прочитать я их не могу, так как они задом наперёд отпечатались. Вот, думаю, теперь бы он Машке на глаза попался. Да где там, она опять в его сторону даже не смотрит. Одно слово, невезучий. А Петров в это время, ничего не подозревая, тем же манером ещё два раза за лицо схватился, и у него эти буквы снова и снова отпечатались. В три ряда.

Тут уж я не утерпел и захохотал. А он обиделся и спрашивает: «Чего ржёшь? А ещё друг называется!» А я смеюсь, остановиться не могу. Тут он ещё

больше обиделся и говорит: «Ах, раз ты так, Васечкин, то я с тобой дружбу заканчиваю! Можешь от меня отсаживаться куда хочешь! Мне же легче будет. А то вечно придумываешь всякое, а я расхлёбывай. И вообще у тебя уши грязные. И нос! И шея!»

Во завёлся! Такого от него я не ожидал. Тоже друг, чуть что — сразу обзываться. А ты, говорю, на себя посмотри! Он: «Это ещё зачем? Что я, себя не видел?» Нет, говорю, ты уж посмотри, а сам его к зеркалу тяну. Он упирается, но я всё равно не отстаю. Кое-как дотащил, хоть он и здоровей меня раза в два. Гляди, говорю, любуйся!

Глянул он в зеркало и остолбенел. Стоит и глазами хлопает. Тут и я в зеркало глянул. А там Петров с глазами нараспашку. И ещё вдруг вижу, что в зеркале буквы на свои места встали. Я и прочёл. И не только я, а все, кто рядом был: и Герка Скворцов, и Вовка Сидоров, и Горошко, и Люда Яблочкина.

А написано там было:

Я тебя люблю.

Никто тогда не понял, что к чему, а я сразу догадался: это он, вместо того чтобы уши вымазать, на руках у себя написал. Мол, Маша, когда проверять их у него будет, прочтёт и всё поймёт...

А она тут как тут, легка на помине. «Что это, — говорит, — Петров, ты себе на лице понаписывал? А ну, марш умываться! Это всё Васечкин на тебя плохо влияет!»

Чуть что — сразу Васечкин. Думал, хоть теперь от меня отстанет, так нет. Про Петрова тут же забыла и ко мне привязалась: чтобы, мол, это было в последний раз, иначе, мол, она вопрос поднимет

на совете отряда, и что с неряхами бороться надо, и что я дурное влияние на бедного Петрова оказываю, и всё такое прочее.

А он, бедный, стоит и глазами хлопает. Хлопал, хлопал, а потом плюнул себе на ладонь с остервенением и давай тереть! Тёр, тёр, потом за лицо принялся. Да куда там — только чернила по всему лицу размазал.

Тут я не выдержал и захохотал, а за мною все остальные. Все, кроме Петрова и Маши. Она посмотрела на меня, будто первый раз видит, и говорит: «И не стыдно? А ещё друзья называетесь.

У друга, можно сказать, беда, а ты сам первый смеёшься!»

И пошла себе.

Подумаешь! Тоже мне воспитательница!

Только Петров тогда на меня сильно обиделся. Даже долго после этого со мной не разговаривал. Почти целый урок. Я уже и так к нему, и этак, а он ни в какую. А потом меня к доске вызвали, а я, понятное дело, ни в зуб ногой. Ну, тут он не выдержал и давай мне подсказывать. Лучше бы он и дальше молчал. Потому что он мне такого понаподсказывал, что Ирина Андреевна мне сразу двойку вкатила. А заодно и Петрову, чтоб мне обидно не было.

«Ну вот, — сказал он, — так всегда. Ты, Васечкин, кашу заваришь, а мне расхлёбывать!» Чудак-человек! Я-то тут при чём?! Мне что, пятёрку, что ли, поставили?

В общем, мы помирились. Потому что у нас всегда так. Как бы ни ссорились, всё равно потом миримся.

Вот и тогда, когда мы Машу укрощали, все думали, что навсегда рассоримся, а мы — как ни в чём не бывало. Дружим и дружим. Короче говоря, на этот раз мы решили, что каждый сам будет думать, как Маше понравиться, то есть, вернее, как её укротить. Петров сам по себе, а я сам по себе. Ну, первый, естественно, я придумал, потому что Петров пока сообразит — год пройдёт. То ли дело я. Через час план был готов!

Вот представьте себе такую картину: допустим, идёт Маша из школы, а ей дорогу преграждают хулиганы. Человек пять или шесть, а может, даже восемь. И все здоровые, как Петров, или даже ещё здоровее. Загораживают они, значит, ей дорогу и домой не пропускают. И вдруг! Откуда ни

возьмись появляюсь я! Не спеша подхожу к ним вразвалочку. Руки, естественно, в карманах. Потом медленно всех оглядываю и лениво так, сквозь зубы, спрашиваю: «Надеюсь, парни, вы шутите?» Один из них, самый здоровый, конечно, страшно удивляется: «А это ещё кто? Откуда взялся?» Я же абсолютно спокойненько: «Живу я тут, понимаешь!» Ну, он уже нервно: «Давно не получал, пацан? А ну дуй отсюда, пока цел!» А я ещё спокойнее: «Я удалюсь только в сопровождении вот этой юной леди!» — и такой изящный жест в сторону Машки. А она, естественно, стоит ни жива ни мертва и на меня во все глаза смотрит.

Тут кто-нибудь из этих хулиганов на меня замахивается, а я специальным приёмом его через себя — раз! — другого следом — бах! И начинается месиловка. Они, конечно, всем скопом на меня наваливаются и, кажется, вот-вот одолеют. Но тут я как закричу: «Яйя!» — и разбрасываю их во все стороны.

Представляете? Они все лежат, а я стою, можно сказать, из последних сил, и на разбитых губах у меня — улыбка.

Тут Маша, конечно, бросается ко мне и говорит: «Спасибо, Васечкин. Я и не подозревала, что ты такой. Тебе не больно?» А я так слегка покачиваюсь, но, преодолевая боль, говорю: «Пустяки! До свадьбы заживёт!» — и снова покачиваюсь.

Тут она подставит своё плечо, обнимет меня за пояс и скажет: «Васечкин, давай я помогу тебе дойти до дома!» И мы с ней вот так и пойдём, она — бережно меня поддерживая, а я — слегка прихрамывая....

Здорово? Вот и я говорю, классный план. Главное — стопроцентный! Только где этих самых хулиганов раздобыть? Думал я, думал и, как назло, ни-

чего придумать не мог. Ну, наконец не выдержал и рассказал всё Петрову.

Петров, ясное дело, говорит: здорово! Ну и голова же у тебя, Васечкин! Мне бы такого ни за что не придумать. Давай вместе, говорит, караулить, когда на Машку хулиганы нападут. Тут мы вдвоём как выскочим!..

Ну вот, рассказывал ему, рассказывал, объяснял-объяснял, а он так ничего и не понял. Это, говорю, сколько ждать придётся, а вдруг они никогда на неё не нападут? Чего им на неё, в самом деле, нападать? А как же, спрашивает, тогда быть? Что-то, говорит, я тут ничего не понимаю. Откуда же тогда хулиганы возьмутся? В том-то и дело, говорю, с бухты-баракты они ниоткуда не возьмутся. С ними договориться надо. С хулиганами, удивляется Петров, как это с ними договариваться? С ними бороться надо! Ох, горе моё! Доходит до него, как до жирафа! Семь потов с тебя сойдёт, пока ему объяснишь.

Понимаешь, говорю, хулиганы нужны не настоящие, а понарошку. Я буду знать, что они не хулиганы, а Маша нет! Понял? Вижу, ничего он не понял. Я опять объясняю: вот, например, говорю, ты хулиган! «Какой же я хулиган?» — возмущается Петров. «Понарошечный!» — ору я. И вот ты, допустим, понарошку на Машу нападаешь, только она думает, что взаправду. И пугается. А тут появляюсь я и понарошку тебя швыряю специальным приёмом. А она думает, что взаправду, и говорит: «Какой ты герой, Васечкин!» Понял?

— А! — обрадовался Петров. — Тогда другое дело. Только я не понял: кто хулиганами-то будет?

Ты, говорю, сам и будешь. И ещё кто-нибудь!

Нет, говорит, Васечкин, делай что хочешь, только я не буду.

А ещё друг, говорю, в таком пустяке помочь не можешь! Эх ты!..

В общем, пристыдил я его.

Покряхтел Петров, покряхтел, а потом: ладно, говорит, помогу.

Вот и хорошо, говорю, один хулиган уже есть! А где остальных взять? Ну, лиха беда начало. За большую перемену ещё шестерых насобирал из других классов. Пообещал им по две порции мороженого. Впрочем, долго их уговаривать не пришлось. Идея сразу всем понравилась. Там же на большой перемене и генеральную репетицию провели. Как они Машу окружают, как я появляюсь. Они все свои слова выучили. А я так мужественно произнёс свои последние слова: «Пустяки! До свадьбы заживёт!», что мне даже все заплодировали.

Короче, к концу уроков всё было готово. Так что, когда Маша из школы вышла, все уже стояли на своих местах и ждали. И как только она через сквер пошла, тут они все повыскакивали и окружили её.

Она, как я и хотел, испугалась.

Дальше тоже всё пошло по задуманному. Я эффектно так подошёл откуда ни возьмись.

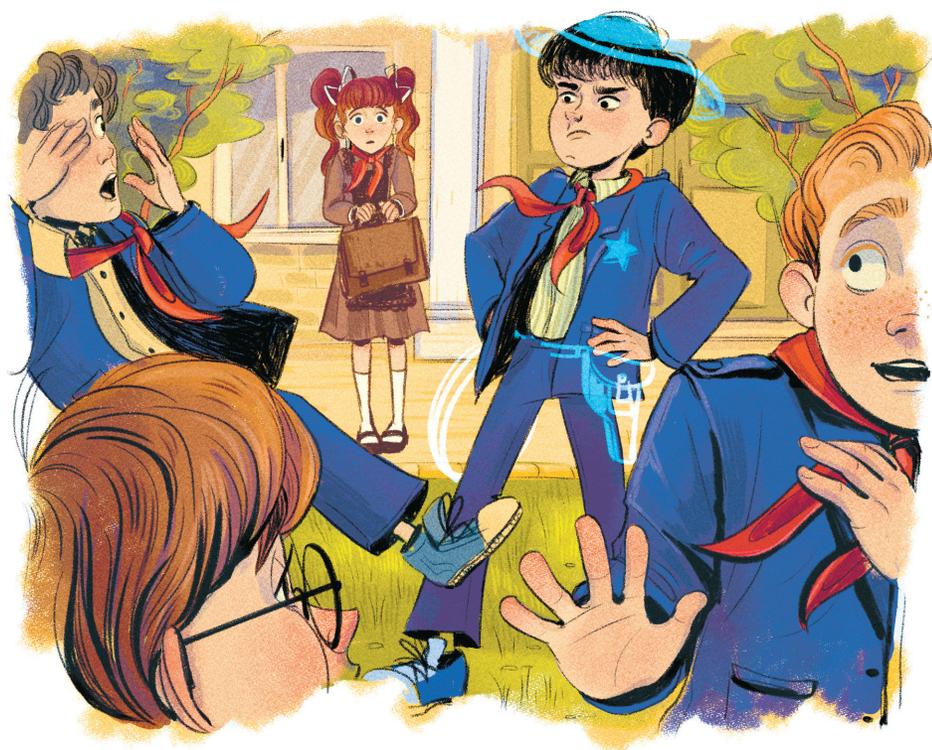
«Надеюсь, — говорю, — парни, вы шутите?» А у самого руки в карманах и вид самый ковбойский.

Генка из шестого «А» спрашивает: «А это ещё кто? Откуда взялся?» Тут я так небрежно, сквозь зубы: «Живу я тут, понял?»

Здорово вышло, даже самому понравилось. Ну и Генка не подкачал. Как самый настоящий хулиган, мне он ответил самым хулиганским образом: «Давно не получал, пацан? А ну дуй отсюда, пока цел!»

Я ему сам чуть не заплодировал. Но сдержался и, как ни в чём не бывало, продолжаю: «Я удалюсь только в сопровождении вот этой юной леди!» И так спокойно на Машку показываю, а она стоит ни жива ни мертва и на меня во все глаза смотрит. И Петров тут же глазами хлопает. Всё на Машку пялится, оторваться не может. Ну, я его в бок толкнул, чтобы он очнулся, подмигнул и специальным приёмом его как жажну, а потом как заору: «Яйя!» От меня все просто шарахнулись. И — врассыпную. Только Петров лежит как убитый. Он, конечно, сам упал, я до него только чуть-чуть дотронулся. Классно подыграл. Молодец!

Я ему опять незаметно подмигнул: начинай, мол. Петров, как и договаривались, застонал. Хорошо застонал, как настоящий раненый. А я стою себе

скромненько и жду того, что в таких случаях положено, то есть благодарностей...

Что я могу ещё сказать? Так она на меня никогда не смотрела. Глазами будто насквозь прожгла, а потом говорит: «Ну и хулиган же ты, Васечкин!» И как бросится к Петрову. Первую помощь ему оказывает, гладит, успокаивает, а сама чуть не плачет, всё переспрашивает: «Тебе не больно, Петров?»

Это ему-то, хулигану! Я, признаться, даже растерялся. А когда пришёл в себя, было уже поздно. Петров скрипнул зубами и, с трудом улыбнувшись, произнёс: «Пустяки! До свадьбы заживёт!»

В точности как я, когда героя репетировал.

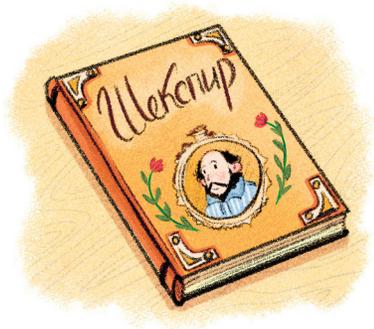
А Машка ему тем временем своё плечо подставила, за пояс обхватила и говорит: «Пойдём, Петров, я тебе помогу до дома дойти!»

И пошли: она его так бережно поддерживает, а он слегка прихрамывает...

А я стоял, смотрел им вслед и думал: прав мой папа, женское сердце — это загадка. И ответа на эту загадку нет.

Мы, конечно, с Петровым опять поссорились. Надолго. Наверное, целых шесть уроков молчали. И пять перемен. А потом не выдержали. Потому что у нас всегда так: как бы ни ссорились, всё равно потом помиримся.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

Регине Рывкиной

ПЕТРОВ

Чуть что — так сразу Петров. Как будто я эту кашу заварил! Васечкин вечно придумает, а Петров отвечай! И потом совсем я не собирался никого укрощать — не такой у меня характер. А Васечкин пристал — укрощай и укрощай! А какой из меня укротитель? Мне в цирке куда больше клоуны нравятся. Но разве от Васечкина отвяжешься, когда он себе что-нибудь в голову вобьёт?.. Он любого заставит сделать по-своему! Это же Васечкин!

Вот я и укрощал Машу, хоть и не такой у меня характер. А как это было, пусть он сам рассказывает... Хватит с меня!

ВАСЕЧКИН

Ну Петров! Если бы не я, он бы вообще с места не двинулся! Сидел бы себе спокойно и глазами хлопал. А что он всё на характер сваливает — чепуха! Нет у него никакого характера. Это надо же придумать — втюриться в Машку Старцеву, в отличницу. Такое только Петрову могло в голову стукнуть. Ему, если что втемяшится, ничем не выбьешь!..